

Марина
Семенова

Сердце
на каблуках

В жизни Леры все сложилось с самого рождения, а возможно еще и до него — любимая дочь состоятельного отца, никогда и ни в чем не знающая отказа, умная, образованная и свобододлюбивая, которой так нравится мчаться на полной скорости по ночным дорогам в своем престижном авто, а еще — танцевать танго. Эти две ее страсти заменили ей отношения с подругами, работу и, даже, любовь, которую Лера никак не хочет пустить в свою жизнь и в свое сердце. Но однажды на сумеречной дороге происходит неожиданная, почти мистическая, встреча — и все рушится — привычный уклад, установки, принципы и представления о том, чего же на самом деле так хочется ее танцующему сердцу.

Марина Семенова

Сердце на каблуках

Жизнь её не просто баловала, она ей всячески угождала, беспрестанно одаривая всевозможными сюрпризами, не только исполняя, но почти всегда предугадывая все ее желания. Как вы понимаете, это не могло не обозначиться на ее характере. Нет, Лера не была избалованной и капризной, но независимой и своенравной определенно. Вот и сейчас, она озадачено поджимала губы, пытаясь определиться с цветом авто. Продавец-консультант из всех сил суетился и потел, безуспешно пытаясь помочь клиентке с выбором. Влад висел на телефоне в ожидании вердикта, готовый в любой момент метнуться к кассе и заплатить за этот ее выбор.

— Может ты, все-таки, поучаствуешь? Или тебе совсем не интересно на какой машине я буду ездить? — бросила Лера упрек в сторону говорившего. — Вл-а-ад, ты меня слышишь?

Влад услышал и, оборвав разговор, виновато улыбнулся:

— Прости, малыш! Уже участвую!

— Я не знаю какую брать: ту или эту — золотисто-оливковую, — она ткнула пальчиком сначала в «ту», потом в «эту» и вздохнула устало, а

продавец не преминул уточнить: «Цвет называется «колумбийская зелень». Прекрасный выбор»!

Лера снова задумалась, а Влад нашел неожиданное решение:

— Ну хочешь, я возьму тебе две?

Лера внимательно посмотрела на своего спутника, определяя — шутит он или говорит серьезно. Влад относился к редкой категории чрезвычайно щедрых мужчин и обожал эту щедрость демонстрировать, благо, серьезность собственного бизнеса ему это позволяла.

— И куда я все их буду ставить — свою «хонду» и эти два «ниссана»? В твой гараж? Что ж, давай осчастливим твою жену!

— Не злись, малышка... Я же шучу.

Влад попытался обнять ее за талию, но Лера вывернулась из его рук, фыркнув по-кошачьи, и стремительно направилась к выходу. Измотанный продавец проводил ее усталым, разочарованным взглядом.

— Шутить будешь со своими силиконовыми секретаршами! — крикнула Лера у самых дверей, через спину, не оборачиваясь. На улице остановила такси и приказала водителю:

— Черчанский переулок и быстро!

Влад догнал ее на своей машине почти у самого дома, опередил, и расплатившись с таксистом — подал руку. Она вышла из такси и

улыбнулась, как ни в чем не бывало:

— Поднимешься? На чашечку кофе...

— Конечно, любимая.

После кофе, Владик увлек Леру в спальню и, выцеловав все ложбинки и впадинки ее прелестного тела, завершил прелюдию скорым и ярким оргазмом. После чего, расслабленно откинувшись на подушку, произнёс:

— Курить хочется.

— Ты же знаешь — у меня не курят, — отозвалась хозяйка дома и, поднявшись с постели, направилась в ванную, совершенная в своей обнаженности. Влад проводил ее жадным взглядом временного обладателя.

— Тебе пора, — сказала Лера, вскоре вернувшись в комнату, и остановилась у незашторенного окна. Солнце обласкало ее живот, потерлось о бедра и, взлетев вверх, устроилось на груди, Владу до невозможности пронзительно захотелось уронить в это солнечное пятно своё лицо.

— Может быть, я останусь, — спросил он с робкой надеждой.

— А как же супруга? — Лера сделала букву «г» ударной, придав слову легкий оттенок пренебрежительности.

— Придумаю что-нибудь.

— Влад, ты же знаешь, — произнесла Лера с

едва уловимым раздражением.

— Знаю... В твоём доме не курят и не остаются на ночь, — вздохнул гость и нехотя стал одеваться.

Почти сразу после его ухода, Лера быстро натянула джинсы, нырнула в просторный белый свитер и, выйдя из квартиры, спустилась в подземный гараж.

Минут через сорок она уже мчалась на своей белоснежной «хонде аккорд» по объездной дороге все дальше и дальше от города, все большее и больше утапливая педаль газа. В своей жизни она была охвачена лишь двумя страстями: скоростью и танцем, автомобилями и танго. Ко всему остальному Лера была совершенно равнодушна.

Любимица отца, она никогда и ни в чем не знала отказа, в её жизни все и всегда было лучшим: игрушки, одежда, няни и гувернантки, гаджеты, летний и зимний элитный отдых, самое престижное образование. И, конечно, автомобили — на свое совершеннолетие Лера получила ключи от своей первой машины: ярко-желтого «ламборгини». Водить она научилась еще в двенадцать лет, легко и умело управляясь с массивным отцовским «ландровером», а с восемнадцати лет уже носилась по дорогам, нарушая все физические законы: аэродинамики, трения, и земного притяжения.

Закатное солнце багровело где-то впереди,

там, куда упиралась в горизонт сумеречная дорога. Только сейчас, после полуторачасового полета над трассой, по телу разлилась желанная истома, похожая на ту, которую чуть раньше испытал Владик в ее постели. Лера выжала сцепление и сбавила скорость, размазанный за окном пейзаж распался на домики и деревья, перестав быть сплошной линией.

Зазвонил телефон, высвечивая на экране четыре буквы родственной принадлежности.

— Да, мама!

— Лерочка, ты где? — голос в телефоне кипел встревоженно. — Опять носишься по дорогам?

— Нет, мам, я дома...

— А что у тебя, там, гудит?

— Телевизор, — буркнула дочь первое, что пришло ей в голову, чувствуя как в тело возвращается привычное раздражение.

— Не ври мне! Ты же не смотришь телевизор! Я знаю! — возмутилась обиженная мать.

— Хорошо, мам, это — не телевизор! Это — пылесос, — озвучила дочь новую версию.

— Какой пылесос?! Кто может у тебя пылесосить? Галина сейчас моет у меня ванну!

Лера резко затормозила, съехала на обочину и, прикрыв глаза, сосчитала до десяти.

— Мамуль, успокойся! Неужели ты думаешь, что я сама, без домработницы, не могу прибраться?

Ела печенье, накрошила, вот и пылесосу! Или я у тебя совсем безрукая?

— Честно? — с надеждой в голосе спросила мама.

— Честнее не бывает. Мам, не накручивай — ни себя, ни меня!

— Ну... хорошо, не буду... Доча, ты когда заедешь? Может — на выходных? Я соскучилась, — поинтересовалась мама, успокаиваясь и меняя тему.

— Ты же знаешь, что на выходных у меня милонга!

— Знаю, знаю! Не сердись!

«Все все знают, только всем на это глубоко наплевать», — пронеслось у Леры в голове и отозвалось в теле мышечной напряженностью.

— Я не сержусь...

— Так, когда ты ко мне заедешь? — повторила мама свой вопрос, добавив в голос пару капель упрёка.

— Приеду — когда твой Гибон Вахтангович по делам отчалит, — выпалила Лера и тут же об этом пожалела.

— Опять?! Лера, я же тебя просила! — взвился возмущенный голос матери.

— Извини... Сорвалось.

— Ты же мне обещала не называть его так! — мамино колесо обиды уже катилось с горки, все

больше набирая скорость.

— Всё! Не буду! — клятвенно пообещала дочь.

— Как ты не понимаешь, что обижая Ферата, ты обижаешь меня?! — голос в трубке стал еще тоньше и еще укоризненнее...

— Но, я же извинилась, мама!

Но трубка не отвечала, в трубке висела обиженная тишина.

— Ма-а-ам! — окликнула Лера протяжно, но мать продолжала демонстративно молчать.

— Хорошо, я заеду! Завтра! — крикнула Лера в подвисшую тишину и отключилась.

Удовольствие вечерней поездки было безнадежно испорчено.

Вернувшись домой, Лера долго не могла уснуть, «лазила» по интернету, гоняла чай и выела весь запас провизии из холодильника, к счастью, она могла себе это позволить — генная инженерия женщин их рода была устроена совершенно, как снаружи, так и внутри: все они были стройны, невероятно хороши собой и абсолютно не склонны к полноте, в их лексиконе никогда не присутствовали такие слова, как: диета, килокалории и фитнес. Танцпол заменял Лере спортзал, а в бассейн она ходила исключительно ради удовольствия, а не для изнурительных метаний от бортика к бортику в надежде скинуть

ненавистные килограммы.

Уснула она под самое утро, поэтому, когда в дверь позвонили, долго не могла прийти в себя, судорожно соображая, кто же мог припереться к ней в такую рань. Звонок прозвучал еще раз, протяжнее и настойчивее, и Лера пошла открывать.

Райка впорхнула в квартиру ярkokрылой бабочкой и затараторила с порога, направляясь в сторону кухни:

— Ты чего так долго не открываешь? Трезвоню тебе трезвоню! Уже думала ногами в дверь долбить, но решила не пугать соседей!

— Правильно решила, — мрачно отозвалась разбуженная хозяйка квартиры.

— Ой! А что у тебя хавчика совсем нету, что-ли? — разочарованно пропела сестра, вглядываясь в пустые недра холодильника. — Я жутко голодная! Всю ночь на дискотеке тусили и...

— И пили всякую дрянь, — закончила Лера, начатое Раиской, предложение.

— Не-е-е, не дрянь. Мы текилу пили! — гордо сообщила младшенькая, вцепившись зубами в кусок добытого ею откуда-то сыра.

— А текила, по-твоему, не дрянь? — хмыкнула Лера, доставая из шкафчика овсянку.

— Ну, ты же сама говорила, чтобы я не пила всякие там энергетики, что это сплошная химия и, вообще, непонятно из чего сделано! Вот я тебя и

послушалась!

— Овсянку тебе заменить, послушная ты моя?

— Ой, Лерусик, я не хочу овсянку! — взмолилась сестра. — Меня ею мама совсем закармила! Давай пиццу закажем, а?

— Ну давай закажем, — согласилась Лера. — Ты заказывай, а я — в душ!

— Окей! Только денежку мне дай, а то я истратилась все до копейки, пустая совсем!

— Конечно, пустая... Аж звенишь! — беззлобно подковырнула Лера раннюю гостью.

— Зато, не обидчивая! — радостно заметила Рая, резво бегая пальчиком по экрану айфона и, на всякий случай, уточнила. — Тебе люблю, только без кукурузы? Я знаю, ты кукурузу не любишь!

«Ну, хоть кто-то использует свои знания мне на пользу» — подумала Лера с благодарностью, вставая под душ.

— Ты почему домой не пошла? — спросила старшая сестра, когда они, позавтракав пиццей, уселись в плетеные кресла на лоджии.

— Куда — к маме или папе? — вопросом на вопрос ответила Райка, сыто жмурясь.

— Ну, или туда, или туда... Тебя и там, и там ждут.

— Угу... Ждут. Мама, чтобы заговорить меня до смерти, завоспитывать, а папа...

— А папа?

— Лер, не могу я с ним... Он за все это время, без мамы, совсем невозможный стал — или запрется в кабинете и работает без продыху, или сидит весь вечер в гостиной, молчит — деревянный, как Буратино... Не могу я там, мне там все время реветь хочется.

— Понимаю, но, его нельзя оставлять одного, получается, что все его бросили, — вздохнула Лера, пытаясь не дать едучему чувству вины расползтись по телу.

— Угу... Бросили все, а отдуваться за всех мне одной! Лерка, давай меняться — ты к папке, а я пока в твоей квартирке поживу, хотя бы денька три! — надела на себя Райка умоляющее лицо.

— Ага, щас! Три дня поживёшь, а мне потом месяц после твоих тусовок выгребать, нетушки!

— Ну, Лерусичка, ну пожалста, пожалста, пожалста! — Раиска сложила руки на груди в молитвенной позе, но сестру это никак не разжалобило.

— Даже не думай! — сказала Лера жестко, как отсекала. — Собирайся, мне уехать нужно по делам. Подброшу тебя к маме, если хочешь, мне по дороге.

— «Уехать по делам»! — передразнила ее сестра. — Какие у тебя могут быть дела?! На тачке погонять за городом?

— Не старайся, не укусишь, — ухмыльнулась

Лера и ушла в гардеробную, обиженная Райка поплелась за ней следом.

— Не-е, к мамке сегодня не поеду... Ле-е-ер, а можно я у тебя хоть на пару часиков останусь...? Ну, пока ты по своим делам будешь ездить? Ничего не трону, честное слово! Даже телик включать не стану, просто отосплюсь! — снова стала канючить сестра, стоя на пороге.

— А у мамы, в особняке, ты не можешь отоспаться? — поинтересовалась Лера, перебирая вешалки, не в силах сосредоточиться.

— Я ж говорю — завоспитывает! Будет нудить про то, что ночами нужно спать, а днем готовиться к поступлению...

— Кстати, о поступлении... Ты, наконец, определилась кем хочешь быть? — спросила Лера, надевая строгий брючный костюм удивительного бирюзового цвета.

— Определилась. Хочу быть Женщиной! Такой, как ты! И шоб все мужики от меня балдели и денег давали, сколько я захочу!

Райка крутнулась на каблучках, ее роскошные волосы крылом взлетели вверх и опали на плечи, свернувшись кольцами.

— Да уж... Определилась так определилась, — вздохнула старшая сестра и отодвинув младшую, стоящую на пороге, направилась в коридор.

— А что?! Все девчонки сейчас так жить хотят, чтобы нигде не работать и все иметь! Вот оно — настоящее счастье!

— Жить с нелюбимым мужчиной и полностью от него зависеть — еще то счастье! Следить за собой, держать себя в безупречной форме, постоянно удерживая его интерес к себе — очень тяжелая работа, может быть, одна из самых тяжелых. Знаешь, Райка, насмотрелась я на таких «счастливиц» и я им не завидую, — как-то очень серьезно объяснила Лера, пытаясь упорядочить свои волосы.

— А ты?! Ты же берешь у мужчин деньги? — не унималась Рая.

— Не беру.

— Да-а-а? — протянула сестрѐнка растерянно. — А эта квартира? Тебе же ее Владик купил!

— Квартира — это подарок, а подарки — совсем другая категория, независимая. Все! Выметайся, мне пора!

— Лерочка, не гони меня! С тобой так интересно! Ну, можно я останусь?!

— Нет, нельзя.

— Ну почему? — надула очаровательные губки Райка, готовая расплакаться.

— Потому, что я не признаю никаких форм зависимости, в том числе и родственных.

Лера взялась за ручку входной двери, но потом обернулась и сказала, уже не таким непробиваемым тоном:

— Говоришь — тебе со мной интересно?... А хочешь, возьму тебя с собой на недельку в Нормандию? Дней через десять.

— В Нормандию? С тобой? Конечно — хочу! Только, если ты не потащишь меня эти на свои милонги...

Они вышли из квартиры и спустились на лифте в гараж.

— А чем тебе, собственно, танго не нравится? — поинтересовалась Лера, когда они сели в машину.

— Нудное какое-то и музыка муторная, не то, что наш дискач!

— Это не музыка муторная — это ты еще маленькая, — улыбнулась Лера. — Но учти — только танго сделает тебя Женщиной, той, которой все «мужики захотят давать деньги».

— Да-а-а?! — сделала Райка еще больше и без того большие глаза.

— Да.

— Обалдеть! — сестра подвисла на пару минут, видимо, что-то судорожно осмысливая — и снова продолжила донимать Леру вопросами:

— Если все дело в танго, нафига ты тогда этот японский учишь?

— Мозги, Райка, тоже нуждаются в тренировке, — объяснила Лера, выезжая из гаража.

— Ну, так учила бы таблицу умножения или стишки там всякие. Наша литераторша говорит, что стихи очень полезно учить для памяти.

— Стихи — вещь замечательная, но бесполезная... Денег, сейчас, за них никто не даст.

— А за японский язык даст? — не унималась Рая, стараясь то ли докопаться до сути, то ли прикопаться к сестре.

— Ну... если попросишь у японского мужчины денег на японском языке — обязательно даст, еще икебану подарит и sake нальет. Не текила, конечно, но тоже вставляет неплохо, — весело заметила Лера.

Райка пристально посмотрела на сестру и снова надула губки:

— Издеваешься, да?

— Нет, не издеваюсь — шучу, — рассмеялась Лера. — Ладно, выходи — приехали! Не хочешь, чтобы я тебя к маме подвезла — дуй на остановку. Вон, твоя маршрутка!

— А про Нормандию ты тоже шутила? — обеспокоилась сестра, открывая дверцу машины.

— Нет, про Нормандию я не шутила, про Нормандию я говорила серьезно, — заверила Лера.

— Класс! — Райка чмокнула сестру в щеку и умчалась ловить маршрутку.

Танцевальный клуб «Орильеро» находился в одном из самых старинных зданий города, отреставрированного с особой тщательностью, потому как за деньги какого-то международного фонда, требующего у подрядчиков самой строгой отчетности. Местные власти хотели, как обычно, «под шумок» ухватить себе «лакомый кусочек» размером в пару сотен квадратных метров, но «обломались». Председатель этого фонда был страстным поклонником аргентинского танго, поэтому и выделил огромные деньги на столь затратный проект, при условии, что все самые большие помещения этого здания будут отданы местному танцевальному клубу. Благодаря ему — каждую пятницу, субботу и воскресенье с восьми вечера до пяти утра из окон здания лилась негромкая, но волнующая и щемящая душу музыка, заставляющая прохожих остановиться и вспомнить, где у них находится сердце.

Лера настраивала тело на милонгу, как музыкант настраивает свой инструмент: вдохновенно и кропотливо, придирчиво вслушиваясь в каждую клеточку своего организма: «Станцуешься? Не подведешь?» Припарковавшись, вышла из машины и поднялась по мраморным ступеням. Ей нравилось приходить одной из первых, когда зал был еще пуст, а воздух прозрачен, не накален энергией человеческого тела,

не растревожен музыкой, не налит ею до краев, а лишь слегка разбужен первыми осторожными мелодиями.

Стоило Лере зайти в зал, как к ней, тут же, подлетела маленькая смешливая Паулина, женщина-подросток с тонкими запястьями и изящной стопой какого-то совершенно детского размера.

— Лерочка, вы не поверите, я сегодня чуть не попала в аварию! Представляете, на самом перекрестке Верчаева мне под колеса бросилась огромная собака! Наглая такая! Ужас!..

Паулина выдохнула, на секунду смолкла и затараторила снова.

— Лерочка, а вы не знаете кто это за угловым столиком? Ой, вы не туда смотрите! Левее смотрите! Да-да, вон там... Импозантный такой мужчина... Я его раньше тут не видела, — перешла Паулина на громкий шепот, игривым жестом поправляя свою безупречную прическу.

— А-а-а... это Аркадий, сегодня уже в третий раз здесь, — утолила Лера жаркое любопытство собеседницы.

— Ну вот, стоит пропустить пару вечеров и уже выпадаешь из жизни! А он, вообще-то, кто? Ну, в смысле профессии?

— В смысле профессии, кажется — адвокат, — заставила себя вспомнить Лера.

— Адвокат?! Ах! Это так благородно... достойно... Лерочка, а вы случайно не знаете?...

Устав от расспросов, Лера ответила на первый призывный мужской взгляд и, извинившись перед Паулиной, ушла в танец. Ее партнер был из новичков, неопытен и осторожен, поэтому, на этот раз, получилась «чистая» хореография. С такими партнерами, слету признающими ее доминанту, сразу и безоговорочно, Лере танцевать было скучно. Впрочем, нечто подобное происходило почти со всеми мужчинами, с которыми ее сталкивался судьба. В танце или в жизни.

Женщина прекрасна в танго, когда раскрепощена и свободна, мужчина хорош в танце, когда эта свободная женщина удивительным образом ему преданна и послушна. Утверждение, что мужчина ведет в танго — спорно, он просто предлагает женщине следовать за ним, мягко или настойчиво, но так, чтобы она захотела за ним пойти. По большому счету, люди приходят танцевать танго, чтобы побыть «мужчиной» или «женщиной». И если, в жизни, женщина относится с пониманием к несовершенству мужчины, то в танго ее требования к «соответствию», к проявлению «истинно мужского» поведения более жестки. «Побыв в танго», Лера перестала прощать мужчинам нерешительности и в жизни тоже, никогда и никому.

Все субботнее утро она проспала, а проснувшись и выпив кофе, включила телефон. Двадцать четыре пропущенных, тринадцать из которых от мамы. Только сейчас Лера вспомнила, что еще три дня назад обещала к ней заехать. Придется, таки, заехать — обещания нужно выполнять. От кого же остальные одиннадцать? Три от Влада, два Райкиных, по одному от портнихи и директора обувного бутика, еще три от ее бывших, регулярно умолявших дать им еще один шанс. Короче, ничего интересного. Разве что вот этот звонок — из бюро переводов, с которым Лера иногда сотрудничала, не столько для заработка, сколько ради удовольствия, ну и, как она сказала Райке, для тренировки мозгов. Пользоваться мозгами — было еще одной ее приятной привычкой.

Лера глянула на электронные часы, на них светилась синим цветом половина первого. «Сейчас к переводчикам, потом на часок к маме, на обратном пути заехать в обувной и вечером на милонгу!..» Скорее всего, эта замечательно вывязанная цепочка дел, непременно, разорвется затяжным визитом к маме. «На часок» вряд-ли получится... «Ладно — разберёмся!» — подумала Валерия и отправилась в гардеробную.

В «Бюро переводов» тихая Верочка передала ей очередную статью любителя гейш и икебаны для

кого-то из организаторов тематических корпоративных вечеринок, и это было невыносимо скучно.

— Верочка, а у вас посложнее ничего нет? — поинтересовалась Лера, нетерпеливо отбивая такт каблучками по паркету.

— Есть, конечно, но это все технические тексты. Я думала, что вам это не интересно, я думала вы это не...

— Вы думали, я это не потяну? — улыбнулась Лера.

— Ну... Не то, чтобы... — девушка снова осеклась и покраснела.

— Да ладно, я не обидчивая.

— Хорошо, я буду знать... Просто, мне казалось, что раз вы женщина, то вам проще переводить что-то не очень сложное, вы же у нас не в штате, поэтому всегда можете отказаться., — пояснила Верочка и опустила взгляд.

— Могу, но не буду. Верочка, мне нравится решать трудные задачи, поэтому, в следующий раз, не бойтесь предлагать мне что-нибудь более сложное.

— В следующий раз обязательно! — заверила ее девушка. — Правда, я не знаю, когда это будет. Японский — не английский, заказывают намного реже.

— Да-да, я понимаю — японский — не

английский.

— Но, если что — я вам обязательно позвоню, — пообещала Верочка.

— Обязательно позвоните, если что. А эту, про гейш, на когда надо? — уточнила Лера без всякого энтузиазма.

— Ой, Валерия, это к следующей пятнице, пожалуйста. Успеете?

— Конечно, успею. Не переживайте!

Мама была не в духе. У нее, вообще, была удивительная особенность надевать к приходу дочери такое озабоченно-недовольное лицо, что сразу появлялось стойкое ощущение, что та пришла не вовремя. Такой, вот, психологический парадокс — неустанно звать в гости, а потом надевать недовольное лицо. Очень долго Лера на это болезненно реагировала, но со временем научилась абстрагироваться.

— Это ты? А я только-только прилегла... Что-то голова разболелась, наверное, магнитные бури...

— Наверное. Мам, я тебе тут творогу купила и мед, — Лера прошла на кухню и выложила из пакета продукты.

Мать вошла следом, взяла со стола баночку, покрутила в руках.

— Странный какой-то цвет у этого меда, понамешают туда черти чего... Ты где брала?

— Это хороший мед, я пробовала. А брала в «Солнечном», ты же знаешь — я всегда там закупаюсь, когда к тебе еду, мне по дороге.

— Пробовала? А ты что — в меде разбираешься? — скривилась мама, изучая этикетку.

— Разбираюсь, — ответила Лера, как можно спокойнее.

— Откуда? Можно подумать, что ты выросла на пасеке, — прокомментировала мама с раздражением и отставила баночку.

— В интернете прочитала, каким должен быть правильный мед и как его выбирать, — пояснила Лера, прекрасно понимая, что перепалки все равно не избежать.

— Ой, я бы на твоём месте не очень-то доверяла этому вашему интернету. Это же мусорник, только виртуальный.

— Мам, я не доверяю, я читаю и анализирую, а потом проверяю на практике, — объяснила Лера, изо всех сил стараясь не заводиться., но похоже её терпение понемногу начинало иссякать.

— И как ты этот мед проверила на практике? — всплеснула руками мама, не готовая так просто сдаваться.

— Если ты сомневаешься — я этот мед себе заберу. Творог оставлять? Корову я тоже не проверяла на практике!

— Ну что ты сразу заводишься! С полуоборота! И Раиска такая же! Прямо, ничего вам не скажи! Садись, сейчас чай будем пить, с твоим проверенным медом, — скомандовала мама, убрала творог в холодильник и включила чайник.

Лера опустила на кухонный диванчик и, мысленно сосчитала до десяти. В дверном приеме, где-то в глубинах дома, промелькнул мужской силуэт.

— Твой дома что-ли? — спросила Лера, невольно поморщившись.

— Дома, — ответила мама, передернув плечами.

— А что так? У нас опять депрессия?

— Не язви.

— Боже упаси! Я полна сочувствия! — снова не удержалась Лера.

— Ты никогда меня не понимала. Ни-ког-да! Подожди, подожди — вот влюбишься! — пригрозила мать, выплеснув на дочь новую порцию обиды.

— Не-а, не влюблюсь! Я от любви привита.

Мама сделала чай и поставила перед дочерью парящую чашку.

— Твой любимый: с мятой, корицей и лимоном, — примирительно сообщила она.

— Спасибо, мама, — откликнулась Лера, снова чувствуя себя виноватой.

— Может, поешь чего-нибудь? У меня сегодня супчик, мерджимек с красной чечевицей, остренький, как вы с Фератом любите, — предложила мама и осеклась.

— Нет, спасибо.

Лера встала и обняла маму за плечи.

— Мамуль, это не из-за Ферата. Просто не хочется. Правда.

— Ну, и ладно. Не хочешь — не ешь. Ты сегодня с милонги? — поспешила сменить тему мама.

— Да. Ты же знаешь — по воскресеньям у меня всегда танго.

— Опять всю ночь не спала? Когда мне было, как тебе, двадцать пять, я тоже не следила за своим режимом.

— Вообще-то, мне двадцать восемь, — уточнила дочь, хмыкнув.

— А-а-а, какая разница! Лишь бы не сорок шесть, как мне... Вот, я и перешла свой Рубикон.

— Какой Рубикон, мама?! Тебе больше тридцати никто не даст!

Мама вспыхнула и засветилась радостью:

— Вот видишь! Это все потому, что я вовремя ложусь спать! Будешь продолжать так безобразно относиться к своему здоровью — к сорока годам превратишься в старуху!

— Не превращусь, мама! Все, кто танцует

танго, не стареют!

— Еще скажи — не умирают.

Когда мама не была влюблена, (ревнивый Ферат, в отличии от Лериного отца, не позволял ей этих маленьких сердечных шалостей) она становилась несносной, постепенно превращаясь в невыносимую брюзгу, как-то выцветала лицом, теряя былую красоту. Что поделать, если у женщин это всегда взаимосвязано: внутреннее состояние с внешними показателями.

Вечером Влад заехал к ней с огромным букетом ее любимых желтых роз и «скромным» сюрпризом в 0,3 ст (карата). Лера довольно зажмурилась и благодарно обвила шею своего дарителя:

— Спасибо, милый...

Владик завелся с полуоборота и многозначительно глянул в сторону спальни, Лера перехватила его вождеденный взгляд, но в спальню не пошла, отблагодарила его прямо здесь, в гостиной, на белом пушистом ковре.

— Слушай, а почему ты со мной? Ну, я имею ввиду — почему из всех своих поклонников ты выбрала именно меня? — спросил Владик немного позже, только-только восстановив дыхание.

— Потому что ты — лучший, — прошептала Лера ему в ушко то, что он хотел слышать, таким

способом уходя от ответа.

Уйти не получилось, Владик был настроен идти до конца, если не докопаться до истины, то хотя бы приблизиться к ней.

— Лучший в чем? — уточнил он, целуя ее чуть ниже пупка, он знал — в этом месте она уязвима, в этом месте расположилась ее крошечная и, чуть ли не единственная, эрогенная зона.

— Во всем, — истомленно ответила Лера, изогнувшись в его руках и впившись зубами ему в плечо.

— Лер, я серьезно, — заметил Влад, не вступая в игру.

— А если серьезно, — мгновенно переключилась на обычный режим общения Валерия, поднявшись с постели. — Я выбрала тебя, потому что ты умеешь слушать.

Она стащила с Владика шелковую простыню и, завернувшись в нее, пошла на кухню варить кофе. Лера не любила халаты, а просто укутывала себя во все, что попадалось ей под руку: шарфы, простыни, косынки, парео и в самые обычные полотенца. Если не получалось завернуться — она просто повязывала ткань на бёдрах, выгуливая по квартире свою невероятную, словно вылепленную безумным желанием гения, грудь. Владислав одиноко поежился в опустевшей постели и, надев трусы с брюками, отправился следом за ней.

Лера уже танцевала над джезвой, мурлыча себе под нос одну из тысячи аргентинских мелодий, хранившихся на облаке ее памяти. Влад присел на кухонный диванчик и, откинувшись, прикипел к девушке взглядом. Все, что Лера делала, она делала танцуя, рисунок танцевальных движений был не всегда заметен, едва уловим, но танго всегда присутствовало в ее жизни. Даже во сне. Если бы кому-то пришло в голову сфотографировать ее спящую, а потом свести эти кадры и прокрутить, как кинолентку — получился бы танец. Танец всей ее жизни. Влад любовался ею, этими полутонами ее движений, то тягучих, то стремительных, но всегда манящих и завораживающих. Лера никогда не носила туфель без каблука, десятисантиметровые шпильки всегда были продолжением ее, и без того, длинных и безупречных ног, но дома она всегда ходила босиком, и всегда приподнимаясь на цыпочки, продолжая танцевать на своих тонких, невидимых каблучках.

— А вот моя жена утверждает обратное, упрекая в том, что я совершенно не умею слушать. Я, действительно, не могу ее слушать, мозг сам отключается на третьей секунде и все!

— Женщин, милый, нужно выслушивать. Чтобы женщина была счастлива и умиротворена, она должна выговаривать свою двадцать одну тысячу слов в день, — пояснила Лера ласково.

— Сколько?!! Да я столько не выдержу!

— А тебе столько и не надо. Ты думаешь для чего замужним женщинам нужны подруги? Именно для этого, для выслушивания, они принимают на себя основную долю информации, а мужьям остается так, мелочь всякая — тышченка-другая. Но, женщине очень важно, чтобы эту тышченку-другую выслушивал именно мужчина, и тогда ее щебетанье, автоматически, из пустой женской болтовни превращается в содержательный разговор.

— Умница ты моя! Знаешь, Лерка, твою двадцать одну тысячу я проглатываю с огромным удовольствием, а вот тышченка-другая жены застревает где-то на пол-пути, — вздохнул Влад с какой-то почти безнадежной интонацией.

Лера поставила перед ним чашку с кофе, он поймал и задержал ее руку в своей:

— Лерка, выходи за меня...

— Владик, не начинай! Я тебе уже сто раз говорила, что замужество — это не для меня, не умею я находиться с мужчиной на одной территории постоянно, ночевать с ним, кормить его, ублажать. Так что, из меня получится отвратительная жена.

— А не надо меня кормить! Я сам умею кормиться, — продолжал уговаривать Влад, то ли в шутку, то ли всерьез.

— Владик, давай сменим тему, — предложила

Лера, начиная нервничать.

— И что мне делать с женой? Я же тебя люблю, — он попытался ее обнять, но Лера отстранилась.

— Что делать? А что можно поделать с любовью? Любить, если любишь... А жену? — Лера задумалась на минуту. — А жену отправь к какому-нибудь хорошему психологу-мужчине — выговариваться. К Зигмантовичу, например, или Капранову. Впрочем, они твоей жене, скорее всего, не подойдут. Зигмантович для нее слишком холодный, авангардный, что-ли, а ей, как я понимаю, как раз, не хватает чего-то теплого, домашнего, чтобы уткнуться откровениями в мягкого, как подушка, слушателя, и выплакать ему все невыплаканное. Капранов именно такой — эмоциональный, артистичный, но, к сожалению, совсем не статусный.

— Да-а-а, для моей статусность — это все.

— Тогда, я знаю, кто ей нужен! Рами Блект! Претенциозный, самовлюбленный и, главное, весь в белом!

— Господи, откуда ты всех их знаешь?

— А откуда мы сейчас все узнаем — из инета. Искала, в свое время, кому выговорить свою двадцать одну тысячу, пока тебя не встретила.

— И нашла? — ревниво поинтересовался Вадим.

— Нашла. Есть там такой приколист-философ
— Сатья Дас. Харизматичный, немного
брутальный, слегка беспардонный, но мне на душу
лег.

— Куда он тебе лег?! — Влад, таки, сгреб
Леру в охапку и усадив на колени, принялся
целовать ее плечи и шею.

— Кстати, про двадцать одну тысячу я от него
узнала, — сказала Лера, отбиваясь от поцелуев.

— А что это за имя такое Сатья Дас?
Нерусское какое-то.

— Вообще-то, он Сергей Яковлев, —
пояснила Лера, вставая с колен Влада.

— А Сатья Дас — это что, понты такие?

— Не понты, просто у тех, кто работает с
ведическими знаниями так принято — в момент
инициации духовный учитель дает имя.

— В момент чего? — поморщился Влад. — А
про то, сколько мужчина должен выговаривать слов
у твоего гуру ничего не сказано? — поднялся он со
стула и снова поймал ее в объятия.

— Сказано. У него про все сказано.

— И сколько?

— В три раза меньше, семь тысяч всего, —
сообщила Лера, взлохматив ему волосы. Ей, явно,
надоел этот разговор.

— Да уж... И что ж мы такие
неразговорчивые получились? Слушай, а как ты

своих подруг выдержишь? Это ж, что получается — чем больше подруг, тем сильнее нагрузка на уши? — подметил Владик и принялся выцеловывать ее «нагруженные» ушки.

— А у меня нет подруг, — отрезала Лера, отстраняясь.

— Ни одной?

— Ни одной. Мне вас хватает, — Лера снова вырвалась из объятий Влада. Похоже, ей уже не терпелось остаться одной.

— Вас это кого? — глаза Владислава вспыхнули ревностью.

— Успокойся, Отелло! Вы — это мама, ты и Райка.

— Райка твоя забавная, — улыбнулся Влад. — Красавицей будет, когда вырастет. Возьму ее замуж, раз ты не хочешь.

— Давай-давай! Заговорит тебя до смерти и разорит, похоронить будет не за что! — предсказала Лера, смеясь.

— Лер, меня ты не любишь, я знаю, — Влад вернулся на стул. — Но, ведь, у тебя были мужчины... до меня?

— Что с тобой сегодня? Решил устроить вечер вопросов и ответов? — недовольно поинтересовалась Лера и, отправившись в спальню, вернулась оттуда с его рубашкой. Когда подавала ее Владу, он снова попытался усадить ее на колени, но

Лера так сверкнула на него глазами, что ему ничего не оставалось, как покорно разжать руки.

Лера, тем временем, достала из холодильника пару апельсин и протянула их своему мужчине:

— На, почисти! — и села напротив в ожидании лакомства.

— Так, как ты любишь — дольками? — уточнил гость, подцепив ногтем оранжевую шкурку.

— Да, дольками. Я своих привычек не меняю. Терпеть не могу резанные апельсины и бананы!

— А мужчин? Мужчин тоже не меняешь? — спросил Владик, протягивая ей очищенный апельсин.

— Не меняю. Если, конечно, они не начинают доставать меня всякими дурацкими вопросами, — в ее голосе проступили металлические нотки.

— Я понял. Больше не буду доставать тебя вопросами, но один, последний, можно?

— Один. Последний. Можно, — смилостивилась хозяйка, снимая с апельсиновой дольки тонкую кожицу и присасываясь губами к ее мякоти, Влад с восторгом наблюдал за ее движениями.

— Неужели ты никогда никого не любила?

— Нет, — ответила Лера, ни секунды не думая.

— Ни разу не была влюблена? И в юности

тоже.

— Нет.

— Странно... Девочкам так свойственно влюбляться, — задумчиво произнес Влад, пристально всматриваясь в свою женщину. Женщину, которая никогда его не любила.

— Значит, я была особенной девочкой, — ответила Лера, разведя в стороны «апельсиновые» ладошки.

— Да-а-а... Ты была особенной девочкой, теперь стала особенной девушкой, а лет через... Ну, когда-нибудь потом, станешь особенной женщиной.

— Именно так. Влад, тебе пора, — сообщила хозяйка, давая понять, что разговор закончен и отправилась в ванную мыть руки.

— Да, конечно, — согласился гость и, поднявшись, пошёл в спальню за пиджаком.

Уже уходя, в дверях, целуя на прощанье, задержал ее лицо в своих руках и произнёс с едва уловимой тоской:

— Одно успокаивает, что не только меня, что никого... Спокойной ночи, моя Снежная Королева.

Лера закрыла за ним дверь и, быстро одевшись, спустилась в гараж. Вечерние загородные поездки стали для нее чем-то вроде снотворного, привычного ритуала, без которого она не могла заснуть.

Было ветрено. За городом это ощущалось

сильнее. Нет, не в машине, ее «хонда» была тиха и непроницаема для ветра. Деревья вдоль дорогигнулись и ерошились листвой, а облака неслись по небу, темнея и быстро превращаясь в тучи. На город неминуемо наплывала гроза, но Лера не стала возвращаться. Возвращаться — не в ее привычке.

Первые капли дождя были редкими и крупными, но уже через минуту сплошная стена ливня накрыла трассу. Дворники не справлялись с таким потоком воды и видимость упала до нуля, Лера съехала на обочину и остановила машину. Похоже — вовремя, в сумочке зазвонил телефон. «Конечно — мама», — подумала Лера и достала сотовый.

— Да, мам!

— Надеюсь, ты дома? Надеюсь, у тебя хватило ума не отправляться на свои вечерние гонки в такую погоду? У нас тут настоящий Армагеддон! Надеюсь, ты сейчас не на трассе?

«Надейся!»- очень хотелось огрызнуться, но дочь не стала этого делать, сдержалась.

— Нет, мам. Я не на трассе.

— А где?

— В баре, — брякнула Лера первое, что пришло ей в голову, делая музыку громче, как можно громче.

— В баре? — недоверчиво переспросила мама. — Ты же не ходишь по барам!

— Не хожу. Но сегодня пришлось — пригласили на день рождения, — соврала Лера вполне убедительно.

— Что?! Я тебя не слышу!

— Мам, тут музыка орет! Приеду домой — перезвоню. Если не поздно.

— Перезвони обязательно! Даже, если будет поздно! Чтобы я не волновалась.

— Хорошо, — ответила Лера и отключилась.

Эти запоздалые приступы материнской заботы крайне раздражали Леру. Все ее детство отец бесконечно пропадал на работе, а мама была бесконечно влюблена, то в одного папиного друга, то в другого, то в своего парикмахера, то в пластического хирурга, массажиста и пр... Она или убегала на свидания, или лечила свое разбитое сердце бутылочкой коньяку, закрывшись где-нибудь на мансарде. Лера помнит, как царапалась в дверь, тихо плакала и, наконец, засыпала там же, на пороге, свернувшись недолюбленным, брошенным котёнком. Отец приходил поздно вечером, брал её сонную на руки и укладывал в постель, нежно целуя припухшие от слёз веки.

У Леры была няня Тамара — большая, мягкая и теплая, от Тамары всегда сладко пахло ванилью и заботой. До сих пор Лера обожает запах ванили, в ее вещах, сумке, по всем шкафчикам всегда